

Хорьковиада

Как Петр Алешковский
отвоевал право на фамилию

Прозаик Петр Алешковский имел неосторожность родиться племянником автора бессмертной песни «Товарищ Сталин, Вы большой ученый...» Алешковского Юза. И когда он впервые попал в шорт-лист Букеровской премии (куда пробивался затем неоднократно), реплика в «Литературке» была названа «Хотим дядю!». Что характерно.

Исконна - 2003 - 12 нояб - С. 13

Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Состоять в родстве с известным профессионалом — всегда тяжкое испытание. В культуре особенно. Тем более если ты занимаешься изящной словесностью, вынужденно общаясь с нескрываемо доброжелательной литературной средой. Не знаем, учитывал ли это обстоятельство молодой историк Петр Алешковский, когда перебирался из уютной археологической гавани на бурные просторы современной литературы. И приступал к работе над первым своим крупноформатным сочинением, романом о Василии Кирилловиче Тредьяковском. (Впрочем, и в исторической сфере ему тогда было непросто по тем же самым причинам: отец — серьезный исследователь древнерусских древностей, теща — Натан Эйдельман.) Как бы то ни было, Петру Алешковскому изначально пришлось решать, помимо творческих, биографические проблемы; возможно, именно это подстегивало его амбиции и понуждало к нестандартным стилистическим решениям. Нестандартность которых заключалась в их предельной простоте.

Это сейчас быть умеренным реалистом так же естественно и так же нормально, как быть постмодернистом или концептуалистом; к началу XXI века литературное пространство само собой разомкнулось и рассталось с принципом стилистической престижности. Каждый дышит, как он пишет (или наоборот?), каждый носит то, что идет ему лично. В начале 90-х, когда Петр Алешковский начал печататься, все обстояло принципиально иначе; на вопрос «как пишешь» следовало отвечать быстрее и четче, чем на вопрос «како веруеши». Отрекаясь от реализма и всех наваждений его. Жизнеподобная стилистика была приравнена к измене делу капиталистической революции и каралась презрением.

А Петр Алешковский избрал именно этот способ рассказа о жизни; возможно, подстегивала его не только естественная склонность ко всему «натуральному», нутряному, своеобразному, но и подсознательный поиск стиля, который бы не был противопоставлен ерническому стилю Юза Алешковского или, напротив, сопоставлен с ним. И в первой полудетективной повести «Чайки», и в книжке замечательных «Старгородских рассказов», и в романе «Жизнеописание Хорька» Петр Алешковский развернул свое повествование в глубь провинциальной России. О которой писал без надрывного любования «деревенщиков» или столь же надрывного отрицания «городских

Петр Алешковский — писатель и племянник писателя

писателей. На этих провинциальных просторах, в этих реалистических пределах он чувствовал себя так, как должен чувствовать путешественник, наконец-то оставшийся один на один с собой. Я — свободен. Я — сам по себе. Я не разрываю с семейной историей. Я просто живу там, где жить могу я, и только я.

Это ощущение внутреннего освобождения и счастья от собственной неповторимости пронизывало прозу Петра Алешковского и придавало ей тот аромат свежести, по которому читатель современной литературы с ходу делает вывод: передо мной живое. Не так важно, совершенное или нет, совершающее прорыв в будущее или остающееся только в настоящем; главное, что противопоставленное мертвечине. А другого критерия для оценки незавершенной современности просто не существует. Живое. Или мертвое. Все остальное от лукавого.

Последнее по времени сочинение Алешковского, роман «Владимир Чигринцев», призван был развернуть его прозу в новом направлении: поменять среду описания (помимо традиционных поселян и провинциалов — московская ученая элита), жанр (роман исторически-приключенческий, при том философский), манеру подачи жизненного материала. Роман был прочитан, оценен по-разному; говорили, что вещь сырая и недотянутая. Пусть так; главное, что по-прежнему живая. И написанная в той точке внутреннего освобождения, когда вопрос о конкуренции с кем бы то ни было не стоит вообще. Алешковский? А, автор «Хорька». Знаем. Никаких сравнений.

Вопрос теперь — не о конкуренции. Вопрос о том, куда дальше. Ответа на него пока нет. Впрочем, не было ответа и на предыдущий вопрос: как завоевать право на литературную самостоятельность. Однако ж, вроде бы, был в конце концов найден?